

Лобысевич Федор Иванович

**Описание Хивинского похода 1873
года. По материалам особой
комиссии, учрежденной тотчас
после похода**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Иванович Л.**
Описание Хивинского похода 1873 года. По материалам особой комиссии, учрежденной
тотчас после похода / Лобысевич Федор Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
318 с.

ISBN 978-5-519-93730-6

ISBN 978-5-519-93730-6

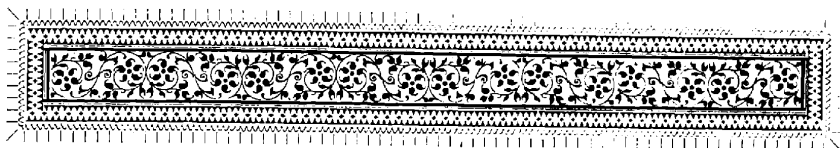
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОПИСАНІЕ ХИВИНСКАГО ПОХОДА

1873 года.

29 мая 1898 года, двадцатипятилѣтіе покоренія Хивинскаго ханства.

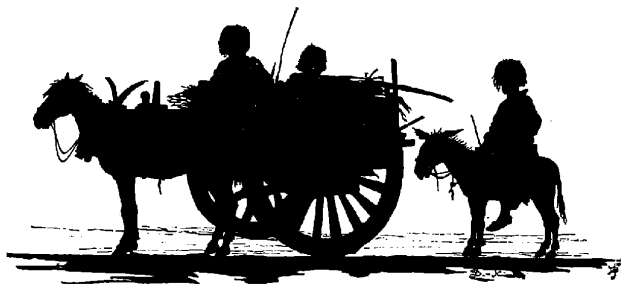
Благодаря богатымъ матеріаламъ, собраннымъ послѣ похода, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденною комиссіею, подъ предсѣдательствомъ бывшаго Начальника Штаба всѣхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, Генерала В. Н. Троцкого (нынѣ Генераль-Адъютантъ, Виленскій, Ковенскій и Гродненскій Генераль-Губернаторъ и Командующій войсками Виленскаго военнаго округа), представилась возможность, при просвѣщенномъ и благосклонномъ содѣйствіи Управляющаго Военнымъ Министерствомъ Генераль-Лейтенанта А. Н. Куропаткина, сгруппировавъ теперь эти матеріалы, тѣмъ самымъ возстановить общую картину, какъ нашихъ отношеній къ Хивѣ, такъ и самый этотъ походъ.

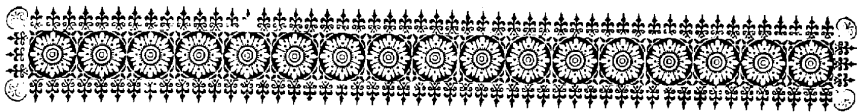
Окруженное со всѣхъ сторонъ безводными пустынями, считающимися самыми страшными на земномъ шарѣ, это ничтожное, само по себѣ ханство, съ сего населеніемъ въ 400,000 душъ обоего пола, считало себя недосыгаемымъ, въ чемъ особенно убѣдилось, послѣ рѣшительныхъ неудачъ Россіи, пытавшейся, два раза, привести Хиву къ покорности—въ 1717 и 1839 годахъ. Не трудно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе произвелъ на нее походъ русскихъ въ 1873 году. Не только съ одной стороны, но съ трехъ различныхъ сторонъ, русскія войска достигли этого заколдованнаго царства и, совершивъ одинъ изъ труднѣйшихъ походовъ, извѣстныхъ въ военной исторіи, преодолѣвъ всѣ ужасы пути по безводнымъ песчанымъ пустынямъ, не имѣющимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ дорогъ, въ тропическій жаръ, доходящій до 45°, и слѣлавъ отъ 660 до 1,395 верстъ базисъ,—со стороны Ташкента 660—890 верстъ, Кавказа 1,000 и Оренбурга 1,395 верстъ—29 мая 1873 года, въ 201 годовщину рожденія Петра Великаго, водрузили свои побѣдоносныя знамена на стѣнахъ непокорной Хивы.

Хивинскій походъ, съ военной точки зрѣнія, не даетъ особаго указанія въ боевомъ отношеніи, такъ какъ Хивинское ханство не могло, опираясь на соб-

II

ственные силы, дать отпоръ русскимъ войскамъ, и лишь извѣстный разбойникъ-киргизъ Садыкъ съ туркменами нѣсколько разъ нападалъ на наши цѣпи и даже 6 мая, близъ Адамъ-Крылгана, въ числѣ до 600 человекъ, очень упорно бросался на отрядъ Генерала Бордовскаго; все же хивинское войско, до 4,500 человекъ, было собрано на урочищѣ Учъ-чучакъ, близъ Аму-Дарьи. Наши войска Туркестанскаго отряда въ первый разъ видѣли войска Хивинскія, только 11-го мая, близъ озера Сардаба-куль. Это былъ авангардъ, а главные скопища, назначенныя защищать Хиву съ восточной стороны, два мѣсяца въ бездѣйствіи стояли у этого озера и посылали лишь партіи для развѣдокъ и ночныхъ нападеній на наши войска; у этого же озера, непріятель видимо рѣшилъ дать послѣдній отпоръ и задержать нашъ выходъ изъ безводной степи къ Аму-Дарьѣ. Но походъ этотъ представляетъ богатый матеріалъ въ способѣ снаряженія, довольствія нашихъ войскъ и умѣнья военнопонимателей, съ блестящей энергіей и твердостью воли, сдѣлать невозможное—возможнымъ, для чего, конечно, благодарнымъ орудіемъ, какъ и всегда, былъ русскій солдатъ, крѣпкій въ вѣрѣ и самоотверженно преданный ЦАРЮ.

I.

Средняя Азія съ глубокой древности служила путемъ для міровыхъ международныхъ сношеній. Еще сказочные аргонавты стремились въ Колхиду за золотымъ руномъ, въ которомъ древніе греки олицетворяли приходящія туда сокровища Востока.

Въ пѣсняхъ Гомера встрѣчаются намеки о плаваніи финикіянъ по морямъ Черному и Каспійскому, а Геродотъ (458 г. до Р. Х.) повѣствуетъ, что колхидяне ѣздили въ Среднюю Азію и Индію за товарами и доставляли ихъ въ Европу.

Изъ всѣхъ странъ Европы Россія болѣе другихъ соприкасалась съ Средней Азіей и прилегающими къ ней восточными странами. Владычество монголовъ сблизило русскихъ съ восточными купцами, пріѣзжавшими черезъ Астрахань въ Нижній, а потому, народы Западной Европы, по сверженіи русскими татарскаго ига, 1480 г., вновь стали, при посредствѣ и помощи Россіи, возстановлять торговый путь черезъ Среднюю Азію, къ странамъ отдаленнаго Востока — Индію и Китай, прекратившійся послѣ разоренія Астрахани Тамерланомъ и съ завосваніемъ Константинополя и Каффы Магометомъ Великимъ.

Когда, съ паденіемъ Казани и Астрахани, остатковъ золотой орды, Волга сдѣлалась русской рѣкой, мысль о пути на Востокъ стала сильно занимать царя Ивана IV, и онъ всячески содѣйствовалъ и покровительствовалъ открытію пути въ Китай и Индію. Со вступленіемъ же на Московскій престолъ дома Романовыхъ, сношенія Россіи съ Бухарой и Индіей, прерванныя въ смутныя времена междоусобицъ и самозванцевъ, возобновились съ большимъ постоянствомъ. Чтобы ознакомиться съ Средней Азіей и Индіей, царь Алексѣй неоднократно посылалъ гонцовъ, поручая собирать свѣдѣнія о пути въ эти баснословно богатые страны, откуда привозились въ русскую казну драгоцѣнные «узорочные» товары и приводились аргамаки для царей и бояръ.

Петръ Великій, прорубая «окно въ Европу», на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ, въ то-же время искалъ «ключъ и врата» ко всѣмъ азіатскимъ странамъ, со стороны киргизскихъ и туркменскихъ степей, думая установить связь съ Во-

стокомъ, при помощи великой средне-азіатской рѣки, и вотъ въ 1713 году, Петръ узнаеть, что хивинцы, опасаясь набѣговъ русской вольницы, преградили русло, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспій и направлена въ Аральское море. но что, безъ большихъ усилій, при помощи туркменъ, уничтоживъ плотину, можно возвратить рѣкѣ прежнее теченіе; къ этому извѣстію присоединилось еще и другое, что въ странѣ, прилегающей къ Аму-Дарьѣ, вымывается золотой песокъ. Тогда ГОСУДАРЬ повелѣлъ снарядить экспедицію и, подъ предлогомъ поздравленія Хивинскаго Хана Ходжи-Мухамеда со вступленіемъ на ханство, отправилъ ее въ Хиву, подъ начальствомъ Кабардинскаго князя, Гвардіи капитанъ-поручика Бековича-Черкаскаго, пользовавшагося особымъ довѣріемъ Петра. Наказъ Петра по этому поводу гласилъ: «Надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на 1,000, ѣхать къ Хану Хивинскому посломъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки и осмотрѣть, прилежно, теченіе оной рѣки, тако же и плотины... Ежели возможно, оную воду паки, обратить въ старый токъ, къ тому же протчія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море и сколько въ той работѣ потребно людей... Осмотрѣть мѣсто близъ плотины на настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ для строенія же крѣпости... послать водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ до Иркети городка (Китайскій Яркендъ) для осмотра золота... Отпуститъ купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ изъѣхалъ ее пока суда могутъ идти, и оттолъ бы ѣхалъ въ Индію описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи...» Въ концѣ наказа, ГОСУДАРЬ собственноручно написалъ: *«Господамъ Сенату съ мутчюю ревностію сіе дѣло, какъ наискоря, отправить, понеже— тѣло нужно».*

Съ экспедиціею кн. Черкаскаго въ Хиву должны были отправиться морскіе офицеры, изъ которыхъ поручику Кожину поручалось ѣхать, подъ видомъ купчины, съ грамотою къ великому Моголу, слѣдуя, насколько было возможно, вверхъ по Аму-Дарьѣ и нанося путь свой на карту; остальные предназначались для послышки къ Иркети и къ Бухарскому хану.

Для возведенія крѣпостей и сопровожденія Черкаскаго въ Хиву велѣно было сформировать отрядъ изъ 4,000 регулярныхъ войскъ и 2,000 яицкихъ и гребенскихъ казаковъ, со ста чел. драгуновъ; конница должна была идти отъ Астрахани, подъ видомъ сопровожденія каравана съ товарами, въ составъ котораго вошло не малое число купцовъ.

Таковъ былъ задуманный Петромъ Великимъ грандіозный планъ утвержденія русскаго вліянія въ Средней Азіи. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что планъ этотъ преслѣдовалъ завоевательныя цѣли, стремясь, вооруженною силою, подчинить Хиву русскому владычеству; иначе, къ чему было посылать съ «посольствомъ» такой значительный отрядъ? Однако, такое заключеніе было бы едва-ли справедливо по отношенію къ дѣйствительнымъ намѣре-

ніямъ Петра. Если онъ имѣлъ въ виду покорить Хивинское ханство, то не трудно было бы ему прійскать болѣе или менѣе подходящій предлогъ для разрыва съ нимъ; тогда, конечно, планъ похода былъ бы составленъ на другихъ основаніяхъ, и начальникъ экспедиціи получилъ бы, сообразуясь съ военными цѣлями, совершенно иныя указанія. Основываясь на нижеизложенныхъ обстоятельствахъ похода Бековича-Черкаскаго, можно даже съ вѣроятностью предположить, что, руководствуясь онъ, какъ при снаряженіи экспедиціи, такъ и въ дѣйствіяхъ съ хивинцами, исключительно военными соображеніями, — исходъ предпріятія привелъ бы къ другимъ результатамъ.

Петръ I, постоянно стремившійся къ расширенію торговыхъ сношеній своего отечества съ Востокомъ, возымѣлъ мысль достигнуть этого своеобразнымъ путемъ, свидѣтельствующимъ о самобытности взглядовъ великаго государя на положеніе дѣлъ въ средне-азіатскихъ ханствахъ. Изъ разсказовъ разновременно посѣщавшихъ Россію азіатскихъ пословъ и торговцевъ Петръ I зналъ, какъ непрочна ханская власть и какъ «ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ». Онъ видѣлъ, что хивинскіе ханы искали его покровительства, и двое изъ нихъ признали себя хотя и номинально его вассалами. Хивинскій посолъ Ашуръ самъ «просилъ», какъ сказано въ инструкціи Бековичу, о постройкѣ крѣпости близъ стараго устья Аму, а слѣдовательно это не противорѣчило видамъ хана, который, кстати сказать, не имѣлъ никакой дѣйствительной власти надъ туркменами восточнаго Каспійскаго берега. Все это могло дать Петру поводъ думать, что хивинскій ханъ, а можетъ быть и бухарскій, будутъ весьма рады получить иностранную военную помощь для упроченія за своимъ родомъ ханскаго достоинства. Этимъ Петръ и полагалъ привлечь ихъ на сторону Россіи и побудить содѣйствовать распространенію русской торговли чрезъ ихъ владѣнія до самой Индіи. Поручая кн. Черкасскому, въ случаѣ желанія обоихъ хановъ, оставить при нихъ «гвардію» изъ русскихъ войскъ «сколько пристойно», онъ, очевидно, долженъ былъ дать ему отрядъ, изъ котораго гвардія эта могла быть выдѣлена; кромѣ того, необходимо было назначить достаточно войскъ для строенія крѣпостей, охраненія торговаго каравана отъ набѣговъ хищниковъ въ степи и, наконецъ, для почетнаго конвоя самому послу.

Въ этомъ собственно заключалась, насколько можно судить по инструкціи, цѣль Петра Великаго при отправленіи Бековича съ отрядомъ въ походъ. Завоевательныхъ видовъ отыскать въ ней трудно. Относительно же осуществимости такого плана можно сказать, что, при твердомъ и опытномъ руководителѣ, исполненіе его врядъ-ли могло представить большія затрудненія. Мы видимъ, что и въ наше время практикуется на Востокъ способъ, которымъ еще Петръ I желалъ упрочить свое вліяніе среди азіатскихъ сосѣдей, но достигается онъ теперь съ другими цѣлями и при томъ не безуспѣшно. Планъ же Петра не только рушился вслѣдствіе оплошности начальника экспедиціи и другихъ неблагопріятно

сложившихся обстоятельствъ, но и отдалилъ слишкомъ на полтора вѣка осуществленіе его мысли склонить хивинскаго хана къ вѣрности, что и достигнуто только въ наше время, уже при иныхъ условіяхъ, хивинскимъ походомъ 1873 года.

Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ Кожинымъ, необходимыя приготовленія къ походу, кн. Черкасскій отплылъ, въ половинѣ сентября 1716 года, изъ Астрахани, взявъ съ собою одну только пѣхоту съ артиллеріей и часть драгуновъ; остальная кавалерія оставлена въ Астрахани. Окончательно сформированный для похода отрядъ состоялъ изъ: 3-хъ полковъ пѣхоты, 3,727 чел., 617 драгуновъ, 2,000 казаковъ и 22 орудій при 26 чел. прислуги; всего строевыхъ 6,370 чел.; кромѣ того при отрядѣ находились: три инженера, лекаря, дворяне, чиновники, купцы. Провіантомъ отрядъ былъ снабженъ для сухопутнаго похода на годъ, а для морскаго на полгода; кавалерія должна была взять въ степной походъ трехмѣсячный провіантъ на выюкахъ. Вслѣдствіе бурной погоды, флотилія пришла къ Тюпъ-Карагану лишь 9-го октября, и здѣсь высадился на берегъ одинъ полкъ пѣхоты, назначенный для постройки крѣпости, что не входило въ инструкцію Бековичу. Отсюда же Кожинъ былъ отправленъ моремъ къ Астрабаду, чтобы отвезти туда флотскаго подпоручика Давыдова, избраннаго посломъ къ бухарскому хану.

Заложивъ на песчаной тюпъ-караганской косѣ крѣпость, наименованную кр. Св. Петра, кн. Черкасскій отправилъ въ Хиву двухъ гонцовъ, дворянъ Воронина и Святого, чтобы предупредить хана о своемъ посольствѣ къ нему съ мирною цѣлью, а самъ направился съ двумя другими полками, моремъ, къ Краснымъ водамъ, гдѣ оба полка и высадились для постройки второй крѣпости. Вскорѣ къ Красноводскому заливу вернулся и Кожинъ изъ Астрабада, вооруживъ противъ себя, предосудительными поступками, персидскія власти и не добившись пропуска подпоручика Давыдова въ Бухару.

Въ половинѣ декабря Бековичъ-Черкасскій, съ небольшимъ конвоемъ, поѣхалъ изъ Красныхъ водъ, сухимъ путемъ, въ Астрахань, куда прибылъ 20 февраля 1717 года и сталъ готовиться къ степному походу въ Хиву.

Окончивъ приготовленія, Черкасскій направилъ казаковъ съ драгунскими лошадьми и караваномъ, сухопутно, въ Гурьевъ, а самъ, со спѣшенными драгунами и бывшими при немъ офицерами, дворянами и другими лицами, отплылъ изъ Астрахани моремъ къ тому же сборному пункту. Собственно войскъ въ отрядѣ могло быть отъ 2,200 до 2,500 чел. при 6 орудіяхъ; считая къ этому конную милицію изъ туркменъ и ногайцевъ, а также свиту Бековича изъ разныхъ лицъ, купцовъ, караванной прислуги и др.—общая цифра людей, выступившихъ въ походъ къ Хивѣ, могла простираться до трехъ тысячъ слишкомъ человекъ.

У Гурьева городка отрядъ простоялъ около мѣсяца, занятый окончаніемъ путевыхъ сборовъ, и двинулся къ Нижней Эмбѣ только въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Желая усилить свой отрядъ калмыками и туркменами вѣдомства хана Аюки, Бековичъ отправилъ къ послѣднему, съ этою цѣлью, гонца, но Аюка уклонился

отъ присылки своихъ людей, подъ предлогомъ невозможности движенія по степи въ столь жаркую пору года; прислалъ онъ только нѣсколько человѣкъ калмыковъ и туркменъ, для слѣдованія съ отрядомъ, въ качествѣ посольства, къ Хивинскому хану.

Еще до выступленія въ походъ, до Бековича стали доходить недобрѣя вѣсти о готовившейся мирному его посольству, со стороны хивинцевъ, встрѣчѣ и о трудности предстоящаго пути по безкормной и безводной степи. Свѣдѣнія эти, сперва полученные отъ калмыкаго хана Аюки, подтвердились вскорѣ письмомъ изъ Хивы отъ посланныхъ туда гонцовъ, Воронина и Святаго; они указывали на то, что Хивинскій ханъ Ширгазы, узнавъ о постройкѣ крѣпостей на восточномъ берегу Каспія и о сборѣ конницы въ Астрахани, для слѣдованія съ Черкасскимъ въ Хиву, сталъ собирать вооруженныя скопища и готовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ.

Какъ отнесся Начальникъ экспедиціи къ этимъ извѣстіямъ,—изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно. Можно думать, что онъ не терялъ надежды, при встрѣчѣ съ хивинцами, убѣдить ихъ въ миролюбивой цѣли его посольства, а хана склонить на свою сторону выгодными предложеніями Петра I къ упроченію ханской власти въ странѣ съ помощію русской «гвардіи».

Какъ бы то ни было, но русскій отрядъ тронулся изъ Гурьева-городка въ походъ и, переправясь черезъ р. Эмбу въ бродъ и на салахъ, вышелъ на большую караванную дорогу въ Хиву и слѣдовалъ по ней, черезъ Усть-Уртъ, на юго-востокъ, до спуска съ него близъ уроч. Кара-Кумбеда, недалеко отъ мыса Ургу-Муруна. Движеніе отряда до переправы черезъ Эмбу произведено было усиленнымъ маршемъ, безъ дневковъ, но далѣе оно не могло продолжаться съ такою же скоростью, какъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, утомлявшихъ людей и лошадей, такъ и потому, что приходилось рыть множество колодезевъ въ степи. Изнуреніе лошадей заставило побросать въ дорогѣ часть провіанта и на колодезяхъ, за 4 дня ходу до Кара-Кумбеда, пришлось оставить около тысячи казаковъ съ приставшими лошадьми. Отсюда же кн. Черкасскій отправилъ впередъ дворянина Керейтова, съ сотнею человѣкъ, чтобы завѣрить хана въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ.

Съ Кара-Кумбеда отрядъ продолжалъ движеніе на югъ вдоль лѣваго берега Айбугиры, бывшаго тогда еще заливомъ, и остановился на уроч. «Аккуль-рѣка», по Нефесу, гдѣ простоялъ недѣлю, выжидая прибытія оставленныхъ на Янгису казаковъ, за которыми посланы были верблюды. Здѣсь же кн. Черкасскій принялъ первыхъ гонцовъ Хивинскаго хана, прибывшихъ къ нему съ подарками, и отпустилъ ихъ немедленно назадъ, подтвердивъ, что идетъ къ хану не войной, а посломъ Царскаго Величества. Присоединивъ къ себѣ отставшихъ людей, Черкасскій черезъ три дня достигъ р. Карагачъ, гдѣ нѣсколько десятковъ казаковъ, отправившихся на рыбную ловлю, были захвачены хивинцами въ плѣнъ.

На слѣдующій день русскій отрядъ подвергся нападенію со стороны хивинскаго войска, которое, однако, было отбито. Для огражденія себя отъ новыхъ нападеній, Бековичъ—Черкасскій прислонилъ отрядъ къ рѣкѣ и съ трехъ сторонъ окопался землянымъ валомъ. Въ это время къ своимъ войскамъ прибылъ ханъ Ширгазы и просилъ Бековича пріѣхать къ нему въ ставку, съ царскою грамотою, заявивъ, что нападеніе на русскій отрядъ произведено безъ его приказанія. Но князь Черкасскій, завѣривъ ханскихъ посланныхъ въ мирныхъ цѣляхъ своего прихода, объявилъ, что не выѣдетъ къ хану, пока хивинскія скопища не отойдутъ отъ укрѣпленія на дальнее разстояніе, опасаясь, чтобы, при малочисленности даннаго ему въ конвой отряда, на него не было сдѣлано вѣроломнаго нападенія. Отвѣтомъ на это заявленіе было возобновленіе атаки хивинцевъ на русскій укрѣпленный лагерь. Бековичъ и тутъ не хотѣлъ выйти изъ роли мирнаго посла и приказалъ стрѣлять изъ орудій всерхъ, вѣроятно холостыми зарядами, чтобы устрашить только хивинцевъ и побудить ихъ къ переговорамъ; но такъ какъ этотъ пріемъ не подѣйствовалъ, то рѣшено было черезъ нѣсколько времени начать дѣйствительный бой, который продолжался двое сутокъ и кончился отступленіемъ хивинскаго скопища отъ русскаго укрѣпленія. Тогда Ширгазы-ханъ, видя себя не въ силахъ одолѣть небольшой отрядъ русскихъ, несмотря на то, что вооруженныхъ хивинцевъ насчитывалось отъ 20 до 25 тысячъ, пустился на хитрость: онъ успѣлъ убѣдить кн. Черкаскаго въ томъ, что и вторичное нападеніе на отрядъ совершенно противъ его воли, и пригласилъ его къ себѣ въ лагерь; здѣсь ханъ подтвердилъ клятвой, что не предприметъ ничего враждебнаго противъ Бековича, а послѣдній, въ свою очередь, цѣловалъ крестъ въ томъ, что присланъ отъ русскаго Царя съ мирнымъ посольствомъ.

Заключивъ съ начальникомъ русскаго отряда дружественный, по наружному, договоръ и принявъ отъ него подарки, хану Ширгазы предстояло еще выманить отрядъ изъ укрѣпленія, чего онъ и достигъ безъ труда, уговоривъ кн. Черкаскаго слѣдовать съ нимъ къ Хивѣ. Оба лагеря русскій и хивинскій, снялись съ своихъ мѣстъ и направились, мимо «Старой Хивы», къ р. «Порсунгуль». На этой, печальной памяти, мѣстности произошелъ послѣдній актъ драмы. По непонятному ослѣпленію, Бековичъ согласился на требованіе Ширгазы—раздѣлить русскій отрядъ на мелкія части, подъ предлогомъ трудности содержанія всѣхъ людей его въ одномъ пунктѣ,—и въ этомъ смыслѣ отдалъ приказаніе маіору Франкенбергу и секундъ маіору Пальчикову, оставшимся старшими начальниками въ русскомъ лагерѣ. Офицеры эти понимали безразсудность такого приказанія, но, послѣ нѣсколькихъ строгихъ повтореній со стороны Бековича, должны были повиноваться. Разведенныя части русскаго отряда были вскорѣ обезоружены сопровождавшими ихъ хивинскими войсками, при чемъ многіе перебиты; большая же часть русскихъ оставлена въ плѣну.

Князь Черкасскій, остававшійся въ это время съ небольшимъ конвоемъ, въ ханской ставкѣ, самъ палъ жертвою своей излишней довѣрчивости и нерѣшительности: какъ только русскій отрядъ былъ разведенъ въ разныя стороны, хивинцы бросились, по приказанію хана, на конвой Бековича Черкаскаго, а онъ самъ, съ двумя лицами своей свиты, былъ приведенъ передъ ханскій шатеръ и обезглавленъ. Это событіе случилось 29-го августа 1717 года.

Итакъ, ни преодолѣнныя трудности степнаго похода, ни трехъ-дневный успѣшный бой съ многочисленнымъ непріателемъ не спасли плана Петра отъ неудачи, а исполнителей его—отъ гибели и постыднаго плѣна. Разъ Бековичъ увидѣлъ, что Ширгазы не хотятъ вѣрить его мирному посольству и два раза открыто нападалъ на его отрядъ,—ему надо было забыть, что онъ посолъ, и помнить только одно,—что онъ начальникъ русскаго отряда. Дальнѣйшіе переговоры съ ханомъ и задобриваніе его подарками были неумѣстны послѣ втораго нападенія хивинцевъ и могли даже вселить Ширгазы подозрѣніе противъ Бековича, такъ какъ азіатскій человѣкъ, видя, что, вмѣсто ожидаемыхъ имъ ударовъ, на его непріязненныя дѣйствія отвѣчаютъ увѣреніями въ дружбѣ, не объяснитъ этого ничѣмъ инымъ, какъ затаеннымъ злымъ умысломъ или же страхомъ. Поэтому, допустивъ даже, что русскій отрядъ былъ утомленъ длиннымъ походомъ, онъ все-таки имѣлъ надъ хивинскими скопищами преимущество лучшаго вооруженія и артиллеріи; слѣдовательно, кн. Черкасскій могъ дѣйствовать рѣшительно и при малочисленности своего отряда. Въ Азіи же при весьма неравныхъ даже шансахъ, только въ этомъ и кроется залогъ успѣха. Разбивъ, въ случаѣ удачи, Ширгазы, отъ Бековича зависѣло бы, сообразно обстоятельствамъ, начать съ этимъ или другимъ ханомъ переговоры на основаніи Государевой инструкціи. Въ случаѣ же пораженія, отрядъ могъ быть, конечно, уничтоженъ, но онъ погибъ бы достойнымъ образомъ, поддерживавъ честь русскаго имени; а такая гибель, равнозначущая побѣдѣ, принесла бы, несомнѣнно, болѣе пользы дѣлу нашихъ послѣдующихъ сношеній съ Среднею Азіею, чѣмъ вѣроломное умерщвленіе и плѣненіе отряда Бековича.

Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложенныхъ крѣпостяхъ гарнизоны потеряли громадную цифру умершими и больными, вслѣдствіе неблагоприятныхъ почвенныхъ условій и недостатка въ здоровой водѣ. На Красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападеній туркменами по наущенію Хивы, но всѣ они были отбиты. Наконецъ, видя невозможность оставаться долѣе на занятыхъ ими мѣстахъ Каспійскаго побережья, безъ опасенія потерять и послѣднихъ, пощаженныхъ болѣзнями людей, начальники обоихъ гарнизоновъ рѣшили покинуть крѣпости и, сбѣвъ на суда, съ большими затрудненіями добрались до Астрахани въ концѣ 1717 г., а частью лишь весною слѣдующаго года.

Совершивъ свой злодѣйскій поступокъ съ посломъ русскаго Царя и его

служилыми людьми, Ширгазы тотчасъ же сообразилъ, что онъ можетъ дорого заплатить за него, а потому почти немедленно за катастрофой, постигшей отрядъ Бекевича, отправилъ своего посланца въ Петербургъ. Послѣднему, вѣроятно, поручено было умиловить Царя, представивъ все дѣло въ иномъ свѣтѣ и сваливъ всю вину на честолюбивыхъ, будто-бы, замыслы князя Черкаскаго. Доѣхалъ ли этотъ посланецъ до Россіи—неизвѣстно, но въ 1720 году мы видимъ новаго посла хивинскаго, Эвайзъ-Мухамеда, отправленнаго въ Россію съ просьбою о возобновленіи торговыхъ сношеній съ Хивой, прерванныхъ послѣ убіенія Бекевича. Однако, посолъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, такъ какъ былъ арестованъ, по приказанію Императора, и умеръ въ Петербургѣ, а трое его служителей посланы на каторжные работы въ Рогервикъ.

Гибель Черкаскаго не разстроила виды энергичнаго Петра на Аму-Дарью и не охладила Государя въ розысканіи торговаго пути на Востокъ, для каковой цѣли туда посылались безпрестанно послы: князь Урусовъ, Лихаревъ, Артемій Волинскій, Флоріо, Беневскій и др. Каждый доставилъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, но Петру такъ и не удалось повернуть Аму-Дарью въ Каспій и проложить водной путь на Востокъ, хотя онъ, до конца своей жизни, не переставалъ розыскивать для среднеазиатской торговли и другіе пути. Такъ мурза Тевкелевъ, царскій переводчикъ, въ персидскомъ походѣ 1722 г., говоритъ: «Государь, будучи въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться, что хотя де киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, только-де, ко всѣмъ азіатскимъ странамъ оная орда ключъ и врата». Во время того же персидскаго похода Петръ сказалъ моряку Сойманову: «отъ Астрабада до Бакха и Болакшана только 12 дней ходу, а тамъ, во всей Бухаріи, середина всѣхъ восточныхъ коммерцій и тому пути никто помѣшать не можетъ».

Вотъ почему Петръ желалъ покорить Хиву и Бухару и, лично предводительствуя войсками, отнялъ у Персіи прикаспійскія области, но на этомъ онъ не остановился и въ послѣдній годъ своего царствованія думалъ окончательно подчинить Персію.

Виды Петра шли еще дальше: «по замысламъ Царскаго Величества—говорится въ письмѣ 1731 г. его любимца Волинскаго—не до одной Персіи было ему дѣло. Если бы посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индіи, а имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго государства, что я сподобился отъ Его Величества самъ слышать» *).

Дѣятельное исканіе пути на Востокъ возбудило въ англичанахъ, уже тогда

*) Намѣреніе Петра проникнуть въ Индію послѣ того дважды было повторено, въ первый разъ въ 1801 году, и уже начало приводиться въ исполненіе, какъ смерть Императора Павла при-